

Людмила МАРАВА

УРОКИ ДОНЕЦКОГО

Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать.

Борис Пастернак

Сегодня нередко можно услышать коллективное мнение авторитетных летописцев современной истории, настоятельно рекомендующих не превращать в мировую трагедию ворвавшиеся в нашу жизнь трагические события, а относиться к происходящему с мудрой беспристрастностью. Если принять такое пожелание, только и остается, что убедить себя в том, что переживаемая Донецком на протяжении мучительно долгих лет трагедия для окружающего мира просто не существует. А значит, в нее можно не верить, о ней вообще можно не говорить...

Однако каждый день жизнь опровергает такие рекомендации, предлагая наглядное подтверждение переживаемой катастрофы, крушения некогда благополучной донецкой жизни: убедительнее любых слов кровавой болью, тысячами осколков врезаются в память события, навечно обретая несокрушимое могущество исторической правды о пережитом времени.

Смысл этой высокой трагедии не подлежит силовому переосмыслению. Ее невозможно оправдать никакими титаническими усилиями рассудка, как невозможно утопить в опостылевшем болоте пафосного комедианства горе, страх, унижительную и постоянную ущемленность собственной постыдной третьесортностью людей, бредущих в лохмотьях жизни по лабиринту истории... Когда-нибудь громадной гранитной глыбой будет увековечена память об их бесконечном человеческом терпении.

— Слушайте, Людмила, немедленно берите паспорт и идите срочно получать воду! Вы знаете, где это, — и мой давний приятель, взволнованно и ответственно, назвал адрес раздачи жителям нашего района питьевой воды.

Было это в разгар августовского дня, с самого утра томившего город безветренным зноем. Автобус, в котором я ехала, уже приближался к моему дому. Телефонный звонок и новость застали меня врасплох. Мечталось об уюте прохлады в продуваемой сквозняком квартире. Хотелось по-домашнему расслабиться, осторожно держа любимую фарфоровую чашечку с горячим, ароматным кофе. Такая кофейная терапия всегда помогала медленно погружаться в блаженный обман абсолютного счастья, пережить часы медленно плывущей над городом жары.

После срочной телефонной новости кофе отменялся. Выйдя из автобуса, я не медлила ни секунды. Кто знает, что это за действие — раздача воды населению. Пока спешила к дому, бегло соображала, что воды, технической, в кранах нет. Трубы шумно

Людмила Маравя родилась в городе Макеевке Донецкой области. Окончила Донецкую консерваторию. Печаталась в журналах «Крым», «Дон», «Нева». Живет в Донецке.

прокашляются, поднатужатся, оживут и активно забулькают в домах только в семь вечера. До десяти — успеть бы постирать и освежить дом. А сейчас полдень — еще не вечер.

Минут десять пешком до пункта назначения с паспортом в сумке — и вуаля! — встреча с неизведанным — получением питьевой воды по месту прописки. Ею, расфасованной по бутылкам и привезенной издалека, теперь можно обзавестись и в магазинах по рыночной цене, на годы вперед просчитанной расторопными местными коммерсантами. Когда же еще настанут времена такого фантастически выгодного спроса на воду!

Ею можно затариться и в специальных киосках. Там, как бойко убеждают рекламные наклейки, вода исключительно родниковая. Наглядное доказательство тому — увеличенный во много раз плакат на круглой тумбе с видом красивого неизвестного места, орошаемого скромно бурлящим где-то сбоку чудом явления кристально чистых подземных вод миру.

Между тем как неприметные ручейки дружно стекаются к истоку реки, так и люди, одиночно спешащие, или сбитые в пары знакомые-приятели, вереницами, привычно бодро выныривали из неопрятности городских дворов, поросших плешивыми мхами унылого отшельничества, и уверенно тянулись в одном направлении — к районной школе. Из обрывков фраз, долетавших до слуха, начала вырисовываться картина происходящего. Дармовую питьевую воду, как назвал ее один мужчина, активно размышлявший вслух, раздают с десяти часов утра. Но ее завезли много, пластиковых бутылей в спортивном зале школы — немерено. Штабелями плотно спаянных пластиковых упаковок весь пол там прошпаклеван. Соседка (она всегда все узнает первая!) уже в школе была. Она же и сообщила мужчине о воде. Он сразу позвонил своим друзьям. Как и мне мой добрый приятель.

Соседи, друзья, приятели, с любопытным нетерпением приблизившись к зданию школы, шумно толпились у входных дверей. Возбужденно пристраиваясь в хвост уже прилично раздобревшей очереди, вновь подошедшие норовили пробраться к двустворчатой, открытой настежь двери, чтобы заглянуть внутрь спортивного зала. Не у всех это получалось, потому что мужчина, стоявший у дверей и взмокший от пота, заслонял происходившее необъятно широкой фигурой. Преграждая вход в помещение, он опирался железной ручищей в деревянную створку второй половинки дверей. Голова его беспрестанно вертелась. То он смотрел позади себя, в глубину спортивного зала, то, уставившись тяжелым взглядом на бурно журчащую перед ним, взбудораженную необычным волнением толпу, громко одергивал наглецов, пытавшихся проскользнуть мимо него. Но его усилий так и не хватило, чтобы нетерпеливые очередики, вяло реагировавшие на окрики, организованно выстроились в одну шеренгу. Возбужденно клопоча в отдалении, только уже перед самыми дверьми неугомонная людская толпа каким-то образом выпрямлялась. Люди стояли вплотную друг к другу короткой шеренгой, а в раскаленном воздухе закипало нетерпение.

«Ого! Вот это да! Тут и потеряться можно!» — глубоко вздохнув, я почему-то остановилась, едва переступив порог спортивного зала. Куда смотреть? Куда идти? Что вообще теперь надо делать?

— Чего замерла? Иди к любому столу. Там все расскажут, — дверной блюститель нового порядка слегка подтолкнул меня вперед.

Зал был огромен. Слепительно-яркое, сияющее солнце наполняло его сквозь широко открытые двери. Внутри множеством голосов гудело замкнутое пространство. И сразу действительно бросались в глаза ровно уложенные на полу ряды грузно-пузатых пластиковых бутылей, а потом — небольшие столы, выстроенные у стены. За каждым сидели две женщины. Напротив них — счастливики, дождавшиеся таки свое-

го водного часа. У одного из столов стул был свободен. К нему я и направилась. Удобно присела и выжидающе посмотрела на женщину.

— Ваш паспорт, пожалуйста, — вежливо сказала она, с усталой ленцой прошупывая меня насквозь немигающими глазами, в которых уверенность граничила с едва сдерживаемым превосходством некой богини, щедро раздающей водные дары.

— Ах, да... — я вынула из сумки паспорт и отдала женщине.

В почти полностью уже заполненный бланк, лежавший перед нею, женщина тут же записала данные с первой страницы моего паспорта: имя, отчество, фамилию, потом — со второй: где, когда, кем паспорт выдан, и, наконец, полистав дальше, — адрес прописки. Вернув паспорт, подвинула бланк мне: распишитесь. После чего выдала крошечный квадратик бумаги, на котором вручную, по диагонали, было жирно написано: 5 литров. Последней графой в учетном бланке получателей воды была та, в которой неизменно, вручную, сверху донизу было проставлено: 5 литров. На каждого, в этой ведомости зарегистрированного.

— Идите туда, — женщина указала на пару отдаленных столов, с которых начиналось бутылочное полноводье.

Бумажку у одного из столов я отдала другой женщине. Она отложила ее в сторону и, нагнувшись, ловко отделила от пола пятилитровую пластмассовую бутылку. Рядом суетился распаренный работой парень. Он подносил к столу выдернутые из прозрачных упаковок увесистые баклажки с водой. И, как заведенный, бесперебойно работающий механизм, то одной, то другой рукой сбивал во время пробежек к бутылочным упаковкам капли пота со лба.

— Приходите завтра, — озадачила меня женщина, передавая воду.

— Завтра?! — на моем лице появилась крайняя степень изумления.

— Да, завтра, — лаконично отозвалась женщина.

— Это что за акция такая? — удивилась я.

— Гуманитарка, — женщина посерьезнела. — Из России.

— Приходить в любое время?

— Как вам удобно. С десяти утра и до четырех дня, — она уже поднимала другую бутылку с пола. К столу подходили все новые люди. Бесперебойно, во избежание толкотни, работал конвейер по обеспечению населения питьевой водой.

Домой я возвращалась с пятилитровой бутылкой в руке и в компании моей давней приятельницы. С ней мы давно не виделись. Выразив искреннюю радость по поводу встречи, мы решили повеселить друг друга новостями из личной жизни. Разговор, однако, в этот раз часто прерывался вопросами. Их задавали люди, заметившие наши баклажки и только направлявшиеся к школе:

— Мы правильно идем? Воду дают в школе? А очередь большая? А сколько воды дают?

Приятельница устало поставила свою бутылку на траву.

— Тебе сказали, что надо и завтра идти в школу?

— Говорили.

— Ну и я приду, — поставив и свою бутылку на траву, я заметила, как напористо и нагло огрубели к концу лета колюче-тугие стебли донецких нетоптанных сорняков, гордо вымахавших на высоту никем не контролируемого беспредела. В последнее время мне очень хотелось их не замечать...

Уже на второй день водного изобилия в обалдевшем от нескончаемых обстрелов городе обозначились четкие маршруты движения горожан к водным источникам. В каждом городском районе их несколько. И если в первый день суматошно-стихийного водного изобилия скопления людей запомнились своей массовой обезличенно-

стью, то в последующие дни все отчетливее проступали на огромном полотне отдельные лица.

За небольшими исключениями все — пожилые люди. Это они, донецкие старички, все еще бодро шагают по дорогам, густо проштампованным через каждые пять километров баррикадами блокпостов. Это они при свете машинных фар после процедуры досмотра проходили паспортный контроль из Донецка в Украину. Это они, и ходячие, и калеченные разными недугами, получали там свои жалкие пенсии. Так продолжалось несколько лет, худо-бедно пережитых донецким миром.

Хроника событий того кошмарно-бредового времени, больше напоминающего не бред, а чей-то виртуальный бред, запечатлена мною в книге «НАСТ». Адресована она думающим людям. И знаю, что достаточно сильно она написана, потому что, вне сомнений, нигде и никогда в мире не повторится больше позорный эксперимент по получению стариками своих пенсионных выплат за сотни километров от места проживания. Дальние, изматывающие поездки. Туда и обратно...

Разруха... жизнь... Нет пышности в этих словах. Но слышится, в последнем, устало-принужденное благородство. Таким когда-то было в обиходе честное слово. Слово, которому веришь. Даже когда говоришь о разрухе, которую с такой душевной стойкостью переживают на Донбассе люди. Все это непонятно и необъяснимо. Хотя, можно уже догадаться, как приличествует говорить о здешних людях. Об их расколотых на острые осколки судьбах. Об увечьях, душевных и физических. Некоторым из них костыли гуманитарно-бесплатные приходится ждать месяцами, шкандыбая на топорно сделанных протезах, пристегнутых к намозоленной болю плоти, продирается на них сквозь пригородные дымящиеся развалины. А к ранам душевным страшно даже словом прикасаться: кровоточат они праведным гневом, вызванным людской прокаженностью...

...Вам больно? Вы сочувствуете? Сострадайте... Только не надо лепить многослойные словесные мозаики из цветасто-лживого своего сочувствия. И так уж омерзительным притворством смердит от целой плеяды хорошо натренированных на словоблудии лжецов, зарабатывающих на реалиях Донбасского будничного кошмара. Его стало слишком много, чтобы можно было сосредоточиться на чем-то одном, определенно принципиальном. Но, как ни странно, в этой адовой, кишасей болью и страданиями смеси проявилась суть всей мировой несправедливости нашего (двадцатые годы XXI века!) времени, как будто нарочно собранной здесь воедино во всем своем многовековом многообразии. О ней не принято распространяться в совестливо-дотошных откровениях вслух. Да разве возможно удержаться при виде того, как извращена на Донбассе правда жизни?

(Из книги «НАСТ»)

Вглядываюсь в чудом не стертые с лица Земли лики современников. Странное дело, живо-подвижные, открыто-приветливые. И сплошь — трудно, как-то податливо-быстро и насильно состарившиеся. Понимаешь: не пробраться добрым словом в израненную человеческую душу. Но не успеешь и глазом моргнуть, как она сама с каждого, изжеванного глубокими морщинами лица торопливо (чтобы услышали!) что-то неразборчиво о себе бормочет (а дальше — только поспевай слушать). Разряжается тогда гнетущая атмосфера душевной подавленности, долго томившая рассказчика непролитыми слезами. И в бесконечно счастливый миг случайно оказавшиеся рядом после многолетнего затворничества и немого одиночества старики спешат выговориться.

— А я себе делаю ванну, когда захочу, — высокая, сероглазая женщина, напоминающая статно-породистым видом Людмилу Чурсину, с вызовом в глазах титулованной чемпионки по преодолению препятствий в денно и ночью длящемся марафоне

на выживаемость в условиях блокады пробежалась глазами по лицам обступивших ее людей.

— Да ладно, тебе, подруга, — вызов красивой и в преклонных годах горячки принял сиво-пегий, давно не стриженный гражданин в купальных, до колен, черных ацетатных шортах и растянувшейся по бокам белой футболке с красной надписью на груди: «YOU CAN!» — «ТЫ МОЖЕШЬ!». Понятное дело, жара достала, а поспорить всегда охота.

— Да, делаю...

— Можешь, значит...

— Могу. У меня есть десятилитровая эмалированная кастрюля. В ней я три раза подряд нагреваю воду на газе, кастрюлю лучше крышкой накрыть, кипяток сливаю в ванну, разбавляю его технической водой из-под крана, вечером ее — бери не хочу, и лежу себе в тепленькой водичке, сколько пожелается. Иногда и соль ароматизированную в воду добавляю...

Неожиданная для всех новость (ароматизированная ванна, теплая, почти полная, когда воду не во всех районах дают, а если и течет она из кранов, то напоминает больше мутную, илистую жидкость) должна была закончиться полноценным нокаутом горячки.

— А кто же тебе кастрюли в ванную затаскивает? — нашелся мужчина с надписью «ТЫ МОЖЕШЬ!».

— Да сама и таскаю, — потрясающий акт женского высокомерия перед выскочкой-слабаком, естественно, мужчиной.

— По десять литров — каждая ходка?! Сама таскаю?! Вы чего, бабуля?! — намек: типа заврались.

— А того, что в шахте работала, вагонетки с углем, что, не знаешь, поди, куда уж потяжелее будут каких-то кастрюль с водой, а я таскала.

— А-а-а... — мужчина, прилюдно остепененный шахтеркой, почему-то начал растирать ладони, выражая так внезапно резко опустившийся градус интереса к разговору с женщиной.

— Шахтерка, из наших. Я тоже оттуда буду, — другой мужчина из толпы из чувства шахтерской солидарности постучал крепко сжатым кулаком правой руки себя в грудь. И назвал известную донецкую шахту, где, по его словам, проработал почти двадцать лет.

И пошло-поехало. Началась очень важная для присутствовавших беседа о пенсиях, о шахтерских регрессах, о вечных несправедливостях в начислениях пенсионных выплат. И обо всем, что только могло на тот момент вспомниться задержавшимся в очереди за водой людям.

А ближе к дверям, ведущим в спортивный зал, можно было услышать:

— Как же хорошо, что мы каждый день сюда ходим! Хоть поговоришь от души! — надо было видеть светящиеся молодой свежестью глаза пожилой женщины, мгновенно распрямившей свою ноющую сутками напролет от радикулита спину и сказавшую эти слова почтенной старушке, которая просто оказалась в тот день рядом с ней в очереди за водой. Случайно. И больше бабушки, за двадцать-тридцать минут поведавшие друг другу о наболевшем, могут никогда не встретиться. Но и этих мгновений утешительно-добрых, истинно-сердечных откровений им надолго хватит.

И каждый день наблюдая за пожилыми людьми, я чувствовала, какая огромная и невидимая взору внутренняя сила исходила от них, стоящих перед дверьми школы.

Размышляя о непреложности законов памяти и крови, на которых основана народная донбасская общность, все яснее понимаешь: Донецк — город, по-прежнему

населенный теми, кто его строил, кто в досталь напитал его своей кровью. А она особой группы: на парах жлобского, алчного стяжательства не погрешь в шахту за подземным золотом — угольком бесценным. Донбасский каменный остов планеты дышит древней земной историей. Потому каким-то непостижимым образом и происходит сегодня устойчивый, бесперебойный кровеообмен между городом и людьми, его хранящими. Это — не мышинная возня, не яростная грызня беспринципных интриганов. Это лобовое столкновение противоположных мирозданий, много лет существующее кровавое лихолетье призвано принести очищение нравов. Потому и продолжает жить блокадный Донецк на пределе несломленной выносливости и ежедневной человеческой терпимости.

Теперешние донецкие будни протекают для горожан всегда одинаково. Хочешь не хочешь, а надо выкроить в каждом наступившем дне время сходить за водой. В основном ее выдают в школах. За столами, где ведется учет, сидят учителя. Каллиграфическим почерком заполняют они бумажные ведомости, словно и не завозили в школы компьютеры. Может, есть один-два, в кабинетах школьного руководства. Но не более.

А ведь много контрольно-закупочных смет в местных солидных образовательных органах составлено на предмет капитального ремонта школ. И много старых, перекошенных бессрочным пользованием ведер теснится под тоскливо скулящими водными струйками с потолка во время дождей в маленькой комнатухе, где физруки переодеваются и хранят свой инвентарь. И удивительно устойчивый к разного рода житейским передрягам, узнаваемый по своей кустарной первобытности кафель едва держится на стенах в узком коридорчике, что соединяет спортивный зал с основным школьным зданием. Да, кафель, родом из середины прошлого века, давно помутнел и превратился в грязно-серый суррогат.

И многочисленные школьные двери неизвестной древесной породы, отяжелевшие под слоями ежегодно обновляемой белой краски. Последние ее мазки, как правило, теперь делают сами учителя. Они же добросовестно, как завхозы, поддерживают и порядок в классах. Хорошо, если среди родителей учеников есть те, кто может учителям хоть чем-нибудь помочь...

Два месяца уже тархтят со скрипом и визгом по любимым городским улицам ручные тележки, наполненные бутылками с питьевой водой. Их допотопная конструкция (из всего, что было под рукой) изумляет полетом новаторской мысли местных инженеро-самоучек. Можно увидеть магазинные пластмассовые ящики, прилаженные потертыми мужскими ремнями к разболтанным, но все еще бегающим по асфальту колесикам. Можно улыбнуться при виде картонных коробок, ладно притороченных к длинным проржавевшим ручкам разноцветными тесемками, напоминающими пояса от женских халатов. В ход идут и старые хозяйственные сумки из боевого арсенала бывлых завсегдатаев городских рынков. А то и просто плотные полиэтиленовые пакеты, вмонтированные между длинных ручек тачек, веселят своей пестротой.

К слову, такие тележки называют в Украине *кравчучками*. С ними украинские граждане бурно-хватко переживали перестроечно-челночное время. Оно, как устойчивый антипод комфортности бытия, и не думает кончаться.

На Донбассе, как и по всей Украине, душевно чтят традиции всевозможных сезонных заготовок, закупок. Так здесь называют процесс консервации. А уж обмен рецептами — это многими годами старательно культивируемый образ жизни славных людей донбасского юга.

Но в один из дней...

— Какой сегодня сильный ветер! Ты посмотри, что сделал с деревьями... — Старушка тащила свою скособочившуюся от набитых в нее бутылок с водой тачку по проезжей части дороги с односторонним движением транспорта.

Двигалась бабушка очень медленно. Волокла визгливо всхлипывавший на каждой кочке двухколесный возок с водным грузом одной рукой, в другой была деревянная клюка. На нее она тяжело опиралась, когда останавливалась, чтобы передохнуть и внимательно оглядеться по сторонам. И поправить очки без одной дужки. Вместо нее виднелась обычная резинка, обвязанная вокруг уха.

— Какой же это ветер, бабуля... — я ужаснулась и тихо добавила: — Обстрел же был, чуть больше получаса назад...

Бабушка, мне показалось, не поняла, о чем я. Хотя смотрели мы с ней на одни и те же многолетние деревья, расщепленные надвое осколками крупнокалиберного снаряда, разорвавшегося у одного из жилых домов. Жертв — не было. Но вся земля у того дома была усыпана россыпями разбитых оконных стекол, вплоть до последнего, пятого этажа, утопавшего в пышной зелени листьев. Тополя мои дорогие, тополя...

Вокруг дома мельтешили люди, снимавшие все это разрушительное для тихой и очень миловидной городской улочки действие на видео. В ближайшие часы съемки с этого места, вполне возможно, появятся на новостных каналах.

Про себя отметила: очевидцы свидетельствуют о таких событиях ныне все больше анонимно, отстраненно, со стороны. А раньше очень популярными были видео- и фотоприветы из Донбасса с неизменным присутствием себя, любимого, радостно улыбающегося в кадре. Особенно обожают такие пошлые репортажи с мест горестно-трагических событий на фоне дымящихся руин заезжие временщики-прорицатели грядущего, страстно жаждущие вписаться и руками, и ногами, и подозрительно воспаленными словоблудием мозгами в лихо обживаемые ими реалии упорно не желающего терять рабочую и трудовую гордость Донбасса.

Сомнительный патриотизм дешевого снобизма. Как развлекательное зрелище для находчивых проходимцев.

В Донецке новости распространяются очень быстро. Не считается зазорным остановиться и заговорить с прохожим. В тот же день, буквально через несколько шагов после разговора с отстраненно мыслящей бабушкой, совершенно незнакомый мне мужчина сообщил о мгновенной трагической смерти парня. Его машина ехала вдоль аллеи из так хорошо прижившихся в нашем городе лип (я нежно называю эти деревца из чудесного города Липецка липушками), когда осколок от другого снаряда, разорвавшегося у другого жилого дома, кварталом ниже, у набережной Кальмиуса, отсек тому парню голову. Рядом в машине сидел отец погибшего молодого человека. Говорят, отец, пронзенный шоком пережитого ужаса от свалившегося на него горя, даже не вскрикнул...

...Уже месяц стоит под одной из лип бутылочка с водой, в ней каждый день свежие цветы — алые розы или горящие вечным огнем скорби красные, туго-мохнатые комочки гвоздик. Длинные цветочные стебли обвязаны траурными ленточками... Утихомиренная пролитой кровью память.

...Печальное время. Чудовищная бесчестность. Неотвратимо быстро сближающиеся друг с другом. Неразрывность памяти и крови.